

БАЛАКОВА Д., ВАЛЬТЕР Х., МОКИЕНКО В. М. **Лепта библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов.** Ружомберок–Грайфсвальд–Санкт-Петербург, 2012. 140 с. [БВМ 2012]

БАЛАКОВА Д., КОВАЧОВА В., МОКИЕНКО В. М. **Наследие Библии во фразеологии.** Ред. Х. Вальтер. Грайфсвальд/Greifswald, 2013. 308 с. [БКМ 2013]

Лингвистическое исследование библеизмов заслуженно переживает свой ренессанс в странах посткоммунистического пространства. Долгие десятилетия «научного атеизма» не могли пройти бесследно. Современная наука вскрыла огромный культурный и языковой пласт во фразеологии, который – по понятным идеологическим причинам – если прямо и не замалчивался, то «не акцентировался» в тогдашней науке. Например, в советской школе вряд ли можно было услышать, что в первых строках гимна революционного пролетариата (*Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...*) содержится... библейская фраза. Русский текст *Рабочей Марсельезы* принадлежит перу революционера-народника Петра Лаврова, и не является переводом с французского, а представляет собой оригинальное поэтическое произведение. Он был опубликован впервые в 1875 г. в газете «Вперед», а в 1917 г. стал на время гимном революционной России. Современники эту связь прекрасно осознавали: «Вот это и есть тот самый „свободный“ русский народ, который за час перед тем, как испугаться самого себя, „отрекался от старого мира“ и „отрясал его прах с ног своих“», – писал Максим Горький в своих *Несвоевременных мыслях* в 1917 г. Фразему *отрясти (отряхнуть) от (своих) ног прах* (ФСРЯ 1978: 351, 306) приводил и словарь А. И. Молоткова, но кроме толкования ее значения («совершенно, навсегда порвать с кем-то, чем-то») и пометки *книжное* никакой информации о ее происхождении здесь не было. И только в словаре 1998 года указывается на библейский источник идиомы, цитируется соответствующее место из Евангелия, объясняется древний образ (БМС 1998: 471).

Начала новых исследований библейской фразеологии в восточно-европейской славистике не могли, однако, не обойтись без скороспелых и необоснованных утверждений, когда даже опытные зарубежные русисты видели «громкие последствия в степени и результатах влияния [переводов Библии] на культуру, язык, быт и нравственность (!) этих народов» (КОСМАН 1996: 12) только на том основании, что западноевропейские (и польские) переводы Библии появляются уже в XVI веке, а русский перевод во 2-й половине XIX века. При этом материальная база таких исследований явно страдала от произвола: так, например, в цитированной работе приводился «русский фразеологизм» *палец божий* как пример... галлицизма. Сегодня русский библеизм церковнославянского происхождения *перст божий* (БВМ 2012: 76) Национальный корпус русского языка обнаруживает в произведениях классиков и современных русских писателей почти в 100 случаях (В. Я. Шишков, Ф. М. Достоевский, М. Горький и т. д.), но вот «галлицизма» *палец божий*, почему-то, почти 230-миллионная база данных (только основной корпус!) не обнаруживает ни разу (www.ruscorg.ru).

Совместная монография фразеологов из Католического университета в Словакии Даны Балаковой и Веры Ковачовой (г. Ружомберок) и председателя Фразеологической комиссии при МКС В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург) стала результатом многолетних исследований в рамках международного проекта *Библия и христианство во фразеологии* (Bible and Christianity in Phraseology). Годом ранее (2012) там

же, в Грайфсвальде вышел небольшой, но буквально насыщенный комментариями словарь *Лента библейской мудрости* (*Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов*), составленный упомянутыми авторами при содействии Х. Вальтера, представляющий собственно языковую базу исследования. Целью участников проекта было сравнить знание библейской фразеологии и реалий Св. Писания у современных носителей (представителей молодого поколения – студентов) словацкого, русского и немецкого языков на основе социолингвистических опросов. Отражение библейских текстов в языковом сознании наших современников, выросших к тому же в разных лингвокультурных сообществах, принадлежащих зачастую к разным конфессиям христианства (католицизму, православию и протестантизму), рассматривается прежде всего с точки зрения *проблемы реального употребления библейских выражений* в современном речевом узусе (БКМ 2013: 52). Некая «растворимость» крылатых библеизмов в литературных текстах, в публицистике и в живой речи (по мнению авторов) связана с тем, что «...говорящие и пишущие даже не осознают, что употребляют библеизмы, ибо такие выражения впитались ими с самого детства из рассказов родителей [для моего „атеистического“ поколения, замечу, скорее из языка бабушек – О. Ф.], литературных произведений, театра, кино и телевидения» (БКМ 2013: 52).

Значимость описанного в рецензируемой монографии параллельного, трехязыкового исследования, мне видится, особенно выпукло на фоне предпринимавшихся ранее разрозненных попыток дать оценку присутствию библейских текстов в языковом сознании носителей языка, в частности, на основе ассоциативных экспериментов. Масштабные исследования т. н. ассоциативно-вербальной сети (АВС) языковой личности в России связаны с именем Ю. Н. Караулова и проектом на рубеже 1980–1990-х годов, отраженным в академических словарях РАС. Видимо, дух горбачевской перестройки акцентировал тогда внимание экспериментаторов-лингвистов прежде всего на языковых «следах советской эпохи в национальном самосознании» (КАРАУЛОВ 1994: 202–204), но при сравнении материала РАС с результатами ассоциативных экспериментов в чешском и в венгерском языках (ФЕДОСОВ 1999) сразу же стало наглядным, какую огромную роль играют в «предречевой готовности усредненного носителя русского языка» (а также чешского, венгерского) библейские тексты: даже у «постсоветского» носителя первой (и на порядок превосходящей все последующие) реакцией на слово-стимул ХЛЕБ была реакция: *насущенный* (РАС 1: 181; ср. БВМ 2012: 117). С этим фактом вполне перекликается сообщение авторов монографии о том (БКМ 2013: 58–59), что в органе ЦК Компартии Словакии газете *Pravda* лишь в течение одного месяца (октябрь 1988 г. – за год до начала «бархатной революции» в Чехословакии!) было употреблено 113 фразем библейского происхождения (22 из которых вошли в материал эксперимента).

Задачей рецензента, однако, является и простое ознакомление читателя с содержанием и структурой книги. Рецензируемая монография состоит из двух пропорциональных по объему частей: первая включает главы 1 и 2 (примерно 50 + 100 страниц) – это теоретические основы и изложение результатов самого исследования, а глава 3 и *Заключение с Приложениями* (прим. 80 + 60 страниц) – это вторая, справочная часть книги, куда вошли *Словарь библейских фразем*, а также списки литературы, списки фразем, и обобщающие результаты эксперимента таблицы (плюс резюме на словацком и немецком языках). Таким образом читатель получил возможность ознакомиться со сгустком теоретических проблем изучения и описания (в том числе словарного) библейской фразеологии (в первой главе хорошо прослеживается

не только стиль, но и сам научный дух, пафос, многолетний и многосторонний опыт изучения фразеологических библеизмов профессора В. М. Мокиенко). Во второй главе внимательный лингвист, филолог найдет скрупулезнейший анализ данных опроса (социолингвистического и – по сути – психолингвистического эксперимента) 390 респондентов (130–130–130 российских, словацких и немецких студентов из университетов в Пскове и Петербурге, Ружомбероке и Грайфсвальде). Анализ, логику и принципы которого надо понять, критически оценив те причины, которые заставили авторов сконструировать эксперимент именно таким образом, понять конечные цели данного исследования, цели как теоретические, так и – не в последнюю очередь – практические.

Но вернемся к теории. Библеизмы, как известно, являются ядром интернационального (общего для многих языков) фонда фразеологии (ср., например, RYPAINEN 2012). При этом библейские тексты представлены в национальной фразеологии весьма различным образом. «Спецификой русского языка является сравнительная многочисленность и большая употребительность цитатных БФ [библейских фразеологизмов], что объясняется в значительной степени сильной церковнославянской традицией...» (Гак 1996: 10). Различия в плане содержания и во внутренней форме, в способах структурной и семантической деривации, в частотности употребления и т. н. «банализации» и т. д. – это лишь начальный перечень тех проблем, которые возникают при сопоставительном изучении фразеологических библеизмов. Первая глава рецензируемой монографии обобщает опыт не только самих авторов, но и целого ряда ученых, посвятивших много трудов решению данных проблем. Не имея здесь возможности перечислить все имена, упомяну лишь Учителя многих поколений питерских славистов, чьи труды по библейской фразеологии заложили прочный фундамент данной отрасли науки: имя Галины Алексеевны Лилич (см. библиографию, БКМ 2013: 240–241). Внимательное, трепетное отношение к тексту, к каждому Слову из Книги Книг – вот тот контекст, в который вписывается рецензируемая монография. Библеизмы не только специфическим образом адаптируются в каждом национальном языке и культуре, но и сами несут в себе древнейшие, универсально-типологические черты, элементы и смыслы из древнего фольклора, что делает задачу их идентификации и комплексного описания многослойной и многоаспектной (БКМ 2013: 53–55).

Глава 2 монографии (*Динамика библейской фразеологии – с точки зрения носителей языка*) описывает сам ход и результаты исследования. Авторы (и здесь отражен богатый опыт словацких коллег в проведении подобных экспериментов, см. библиографию) вначале объясняют свои мотивы: их когнитивно-прагматический подход нацелен именно на объективную оценку реальной ситуации, реальных знаний и компетенций носителей языка, вернее, определенной генерационной группы. Материал для анкетирования включал выборку из 80 фразем (см. БВМ 2012, глава 3), куда входили помимо идиом также и паремии, фразеолексемы и фразеотексты. Важным критерием выбора библеизмов была эквивалентность в трех целевых языках. Задачей респондентов «было оценить данные единицы с точки зрения знания / незнания или употребительности / неупотребительности в собственном узусе» (БКМ 2013: 63), а на основе ответов исследователи проводили анализ (естественно, с подробной проработкой всех обнаруженных «категорий» и их точным обозначением как, например, группа 1А, 1Б...) на шкале: активное / пассивное знание (употребление) vs. незнание и неупотребление. При этом *активное знание* (1А) предполагает ответ респондента: «знаю, употребляю, умею объяснить», и соответственно от этого

«начала шкалы» (100%) до ее умозрительного «конца» (0% – «не знаю»). Особое внимание авторы уделяют оценке *фразеосемантической компетенции* (раздел 2.3.): «...пользователь языка способен на основе своего языкового (фразеологического) сознания уместно и эффективно употреблять ФЕ в процессе коммуникации *даже без точного знания соответствующего им значения* [выделено – О. Ф.], resp. с расплывчатым представлением о последнем» (БКМ 2013: 74). Респонденты отдельных групп отказывались именно *от толкования* ФЕ, то есть их ответ звучал так: «знаю, употребляю, не умею объяснить». На фоне таких, количественно замеряемых данных авторы наблюдают много интересных явлений, например: «Когда у русских респондентов была отмечена более высокая фразеологическая компетенция по отношению к *активному знанию* [...39%, ср. 32% у немецких и 29% у словацких...], нас удивила высокая доля ответов типа 1Б («знаю, употребляю, не умею объяснить»)... именно у русских респондентов» (БКМ 2013: 75). Авторы не только фиксируют данные результаты, но и предлагают свои «психолингвистические» и культурологические объяснения (БКМ 2013: 76–77, 79, 229–233), однако их оценка уже увела бы нас от простого рецензирования к началам научной дискуссии. Пусть внимательный читатель этой книги сам просмотрит и изучит все заинтересовавшие его примеры, диаграммы, таблицы, графики, цифровые и процентные данные (именно в них отражена основательность и объективность поставленного эксперимента), а трактовка результатов и выводов пусть станет импульсом для новых самостоятельных исследований в этой области.

Помимо исследовательской ценности мне хотелось бы отметить и ценность практическую: и монография (БКМ 2013), и словарь (БВМ 2012) станут прекрасными учебными пособиями на столе любого преподавателя: слависта, русиста или специалиста по сопоставительной фразеологии. Интерес к данной области библейской фразеологии и паремииологии не иссякает не только в славистике и русистике: будапештское издательство «Tinta» приступило к работе над *Словарем библейских пословиц* (на венгерском языке) Анны Т. Литовкиной, в готовящейся новой книге известного венгерского фразеолога проф. В. Бардоши особое место уделено библеизмам как одному из основных источников венгерской фразеологии (BÁRDOSI 2014).

В заключение автор настоящей рецензии не может удержаться от изложения собственного небольшого наблюдения (см. ФЕДОСОВ 2014): в современном русском дискурсе, особенно в публицистике, теснейшим образом переплетаются лексические и фразеологические средства самых разных стилей. Неожиданно «наткнувшись» в одной газетной статье на старое, «церковное» слово *жупел*, я с немалым удивлением обнаружил, насколько часто оно встречается в современных (2000-е годы) контекстах (www.ruscopora.ru: около 150 примеров в 100 текстовых документах): «использовать *жупел* международного терроризма»; «(в Праге) русские уже не *жупел*, над ними подтрунивают почти открыто»; «другим Чечня нужна как *жупел*, размахивая которым...»; «*жупел* „русской мафии“ активно используется» и др.

Именно в связи с историей этого слова В. В. Виноградов когда-то писал: «Многие старославянизмы в истории русского языка подверглись коренному семантическому преобразованию. Условия и процессы, приводившие к ломке их смысловой структуры, очень разнообразны» (ВИНОГРАДОВ 1999: 165).

Отрадно, что познание этих «условий и процессов» может доставить нам еще много исследовательской радости.

Олег Федосов

Литература

- БМС 1998 = БИРИХ А. К., МОКИЕНКО В. М., СТЕПАНОВА Л. И. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург, 1998.
- ВИНОГРАДОВ 1999 = ВИНОГРАДОВ В. В. *История слов*. Москва, 1999.
- ГАК 1996 = ГАК В. Г. Специфика библейской фразеологии в русском языке. In: LEWICKI M., CHLEBDA W. (red.) *Frazeologia a religia. Tezy referatów międzynarodowego symposium naukowego*. Opole, 1996. 10–11.
- КАРАУЛОВ 1994 = КАРАУЛОВ Ю. Н., Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности. В кн.: КАРАУЛОВ Ю. Н. и др. (ред.) *Русский ассоциативный словарь*. Кн. 1. Москва, 1994. 190–218.
- РАС = КАРАУЛОВ Ю. Н. и др. (ред.) *Русский ассоциативный словарь*. Кн. 1–2. Москва, 1994.
- ФЕДОСОВ 1999 = ФЕДОСОВ О. Русский ассоциативный словарь как зеркало «языковой личности» (в сравнении с венгерским и чешским сборниками вербальных ассоциаций). *Studia Russica XVII*. Budapest, 1999. 227–236.
- ФЕДОСОВ 2014 = ФЕДОСОВ О. Щелкопер и жупел, переговоришки и посадки (К вопросу о роли идиоматики в современном политическом дискурсе). *Studia Russica XXV*. Budapest, 2014. [В печати.]
- ФСРЯ 1978 = МОЛОТКОВ А. И. (ред.) *Фразеологический словарь русского языка*. Москва, 1978.
- BÁRDOSI 2014 = BÁRDOSI Vilmos: A magyar frazémakincs föbb forrásai. In: *A nyelvi pragmatika kérdései szinkrón és diakrón megközelítésben*. Budapest, 2014. [В печати.]
- КОСНМАН 1996 = КОСНМАН S. Sacrum во фразеологии – русско-польский диахронно-сопоставительный аспект исследования. In: LEWICKI M., CHLEBDA W. (red.) *Frazeologia a religia. Tezy referatów międzynarodowego symposium naukowego*. Opole, 1996. 12–14.
- PIIRAINEN 2012 = PIIRAINEN E. *Widespread Idioms in Europe and Beyond*. New York, 2012.

N. GOLLER Ágota: **Moszkváról – távol Moszkvától... (Nyolc év az Arbaton) [О Москве – далеко от Москвы... (Восемь лет на Арбате)]**. Debrecen, 2009. 244 p.

Сравнительно недавно изданные мемуары венгерской русистки, бывшего преподавателя кафедр русского языка и литературы венгерских университетов, представляют собой тонкое отражение Москвы эпохи оттепели. Подзаголовок и содержание закономерно внушают переключку с названием знаменитого романа Анатолия Рыбакова. Автор – специалист по русской литературе 20-х годов XX века, одна из первых выпускниц будапештского Института им. В. И. Ленина, попавшая в Москву благодаря командировке мужа-дипломата и занимавшаяся исследованиями в рамках аспирантуры, предприняла попытку суммировать свои впечатления от восьмилетнего пребывания в «Столице Мира» (название одной из глав книги воспоминаний). Она начала писать с ясным пониманием сложности предстоящей задачи и с намерением избегать традиционных фраз при описании Москвы «официальной» и неофициальной, базируя свою оптику на динамике исключительно бытовых моментов. Благодаря этому, достоверные эпизоды из жизни серой советской действительности предстают как историческая реальность, провоцируя читательское воображение угадать закулисную политическую мотивированность современных нравов и возникновения типа *homo sovieticus*. Вместе с тем, пережитое рассматривается в контрасте с историческим прошлым.